

специально для него. А пишется мало, и ограниченность тематики особенно заметна в литературе для этих возрастов...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 5 (2596)

Суббота, 14 января 1950 г.

Цена 40 коп.

С. МАРШАК

Кто теряет в весе?

Американский журнал «Лук» опубликовал статью: «Как президент Труман бережет свое здоровье»...

Встретим, говорит, конгресс Сенатской журналистики: Растет у президента вес (Конечно, не моральный)...

В одно из нескольких зеркал Взглянул он в бударе И про себя пробормотал: — Толстеть ты начал, Гарри!

Как видно, пост тебе вредит. Бессильны все лекарства. Твой вес растет, как дефицит В бюджете государства!

Пона с собой он рассуждал У зеркала в уборной, Япидис Ваган — генерал И Грэхэм — врач придворный.

— Друзья! — сказал им президент: — За эти две недели Вы на значительный процент Как будто потолстели!

Турнир я предлагаю вам. Вот перед нами гири. Кто сбавит лишней килограмм, Тот победит в турнире!

Недолго длился этот матч И не дал результатов: Не похудел придворный врач Соединенных Штатов.

Не похудел и генерал, Неумолимый Ваган. Сумел нажить он капитал, А похудеть не мог он!

Не стал ни толще, ни стройней За это время Грэхэм, Хоть был в диете он своей Весьма благоуражен.

Но ясно всем из диаграмм, Что в тот же срок отчетный За килограммом килограмм Теряет безработный...

Литература к выборам в Верховный Совет СССР

В связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР начался выпуск массовой политической литературы...

СЛОВАРЬ ЗАВОДСКИХ ТЕРМИНОВ

СВЕРДЛОВСК. (Наш корр.) На Северном Урале, у подножья известной горы Благодать, раскинулись цехи старейшего Кушвинского металлургического завода...

Такой словарь горных и заводских терминов обнаружен в государственном архиве Свердловской области. Он составлен мастерами Кушвинского завода в первой половине XIX века...

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Вильнюс. В сельских вечерних школах и кружках для взрослых занимаются около 20 тысяч крестьян. Всего за годы советской власти свыше 100 тысяч литовских крестьян научились грамоте...

Колхозный агитатор

Александра ГОРОВОВА

В дверь постучались, и на вопрос — «Кто здесь?», молодой женский голос ответил: «Агитатор!». Этого было достаточно, чтобы принять незнакомого человека...

...В колхоз имени Буденного я пришла в обеденное время. В правлении гуло. Только на подоконнике сидел кошко и что-то старательно вписывал в тетрадь...

— Чечулина? Его, пожалуй, сегодня и не найдешь. — Уехал куда-нибудь? — Уехать не уехал, а материалы к беседе собирает. — Значит, известно, где он? — Вот то-то и есть, что неизвестно...

— А разве мы, буденновские колхозники, не советский народ? Значит, на нас тоже смотрят, у нас тоже учатся! Чечулин вынул из кармана записную книжку и прочитал: «Средний урожай озимой пшеницы — 21,4 центнера с гектара»...

— Минуточку! Погуляйте в саду, — сказал Коваленко. Он вывел из подвала козую виноградку. — Обязательно нужно подмести, а то пахнет в воздухе неуживчивое брожение. — Прошло десять минут. Подвал подметен, но Коваленко начал посыпать земляной пол песком...

Дверь открыла жена Чечулина — Серафима Березовская, звеневшая колхоза, Герой Социалистического Труда. — Пройдете сюда, — пригласила она в комнату, где всю обстановку составлял этажерка с книгами, два самодельных табурета и круглый стол...

— Это Вася объясняет. Вы с ним уже познакомились? Он заведует нашим колхозным радиоузелом. — Вышел, у нас есть еще такие люди, которые для себя работают трешки хуже! Чечулин закончил беседу. — Может быть, к нам зайдите на радиоузел, там у нас все материалы по агитации, — предлагает Чечулин.

— Как же именно материалы? — спросила я. — Например, клубный журнал. — Ведь у вас еще нет клуба? — Клуба еще нет, а журнал уже есть. Ну, и клуб к зиме будет. Мы вышли. — Вы давно из Москвы? — спрашивала Чечулина, и сразу: — Уже вышла краткая энциклопедия! Очень нужна!

— Как же именно материалы? — спросила я. — Например, клубный журнал. — Ведь у вас еще нет клуба? — Клуба еще нет, а журнал уже есть. Ну, и клуб к зиме будет. Мы вышли. — Вы давно из Москвы? — спрашивала Чечулина, и сразу: — Уже вышла краткая энциклопедия! Очень нужна!

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

Значит, он на радиоузел? «...Я же просто-таки удивляюсь, где это видно, чтобы машина шла на Загостерно не загруженная? Что же это такое получается? Грузчики не догрузили машину и сплывили? Я, ей-богу, не могу быть сплывилим при таких бесовских грузчиках!» — Гневный голос Посмитного гремел из громкоговорителя, когда я прошла с хозяйкой.

— Он уже десять минут как проводит беседу в помещении школы. Вы туда пойдете! — сказали мне на радиоузел. Я вошла в класс и, наконец, увидела Чечулина. Он стоял у грифельной доски, худенький, среднего роста человек...

— Товарищи! Мы знаем, — произнес он, видимо, обобщая только что сказанное, — что народ Китая победил. В Китае создано народное демократическое правительство. Как вы думаете, захочет свободный Китай жить попржему? Ведь там крестьяне пахали землю не то что на быках, — на себе пахали! Ни трактора, ни комбайна у них, конечно, не было!

— А разве мы, буденновские колхозники, не советский народ? Значит, на нас тоже смотрят, у нас тоже учатся! Чечулин вынул из кармана записную книжку и прочитал: «Средний урожай озимой пшеницы — 21,4 центнера с гектара»...

— Минуточку! Погуляйте в саду, — сказал Коваленко. Он вывел из подвала козую виноградку. — Обязательно нужно подмести, а то пахнет в воздухе неуживчивое брожение. — Прошло десять минут. Подвал подметен, но Коваленко начал посыпать земляной пол песком...

Дверь открыла жена Чечулина — Серафима Березовская, звеневшая колхоза, Герой Социалистического Труда. — Пройдете сюда, — пригласила она в комнату, где всю обстановку составлял этажерка с книгами, два самодельных табурета и круглый стол...

— Это Вася объясняет. Вы с ним уже познакомились? Он заведует нашим колхозным радиоузелом. — Вышел, у нас есть еще такие люди, которые для себя работают трешки хуже! Чечулин закончил беседу. — Может быть, к нам зайдите на радиоузел, там у нас все материалы по агитации, — предлагает Чечулин.

— Как же именно материалы? — спросила я. — Например, клубный журнал. — Ведь у вас еще нет клуба? — Клуба еще нет, а журнал уже есть. Ну, и клуб к зиме будет. Мы вышли. — Вы давно из Москвы? — спрашивала Чечулина, и сразу: — Уже вышла краткая энциклопедия! Очень нужна!

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

Агитационные коллективы писателей

При Союзе советских писателей СССР по примеру прошлых лет созданы два коллектива агитаторов. Они объединяют около 200 писателей, журналистов, работников издательства и учреждений СОИ. Коллективы начали свою деятельность среди насе-

ления. Агитаторы посещают коллективы избирателей, проводят с ними беседы о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР. — Вечер в Центральном доме литераторов открылся агитпункт.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

В условиях построения коммунистического общества наша партия с особой силой ставит вопросы идеологического воспитания молодого поколения. Почти партия в решении этих насущнейших вопросов эпохи — священный долг советских писателей.

Наша великая сталинская эпоха — век небывалого расцвета науки и техники. Хорошая научно-фантастическая книга, раскрывающая безграничные возможности человеческого воображения, вооруженного передовой наукой, пользуется большой любовью читателей, да и не только юных читателей.

В. СТРУКОВА, инженер В. ШЕВЧЕНКО, кандидат исторических наук

«Кальтеве» лаборантке Жене, что «работает по окультуриванию кок-сагзыса несравненно более персидскими, чем романтические скитания в одиночку по горам».

Но дальнейшие события в повести приносят читателю горькое разочарование. Мичурин Петренко терпит сплошные неудачи в своей практической работе. Тогда он устремляется в чудное ущелье, случайно открытое в горах сотрудниками базы Павлом Березовым.

Это природный заповедник небывалых, единственных в мире гигантских форм. Тут черныш величайшей о змей, лагушки растут с корову, крысы размером со слона и одуванчики, достигшие высоты пальм.

После невероятных приключений в волшебном ущелье герои добывают пыльную и црветов гигантского кок-сагзыса. Оплодотворив этой пылью цветущий кок-сагзыс своих деланю, легко и просто они выводят нужный сорт, добывают, наконец, положительных результатов, которых не дала работа по-мичурински.

Таким образом, читателю предлагается сделать вывод: нечего копиться на опытных участках, в лабораториях; долей труд и науку; надо открывать волшебные страны.

Мало того. Намеками дается понять, что причудливый состав воды тамошнего озера. И действие этой воды на организмы поразительно напоминает действие мутагенных средств типа колхицина, примененных только что разоблаченным директором сейсманистом Мировичем!

Так протаскивается отвергнутая была выдуманная антимичуринская идея кладоискусательства, окидания милостей природы.

Чувство недоумения вызывает научная сторона и других произведений сборника.

В рассказе В. Сапарина «Исчезновение инженера Боброва», в форме путешествия журналиста Зои Виноградовой по дамам, электростанциям и дедам, описываются странки и нехи-автоматы, автоматические электростанции, самоотправляющиеся двери, говорящие часы, автомобиль, движущийся без водителя по принципу автопилота. Но что же в этом «фантастическом», где тут устремленность в Завтра? Все это уже существует в советской действительности, в советской технике, за исключением разве автоматического дампа.

Но это — пустячок, игрушка, нечто вроде рекламного электростанционного мастера Ризли из «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова. А часы, угадывающие мысли хозяина, — просто механистически-мистическая чепуха.

Научная основа автоматыки и телемеханики, сущность происходящих явлений в очерке В. Сапарина не раскрыты.

Поскольку все в повести происходит тайственно и довольно бессмысленно, то логично звучит заключение самого автора: «это походило на фокус». И на других страницах автор нередко восклицает: «чужда продолжаться», «заколдованная дача», «это было похоже на разговор с божеством».

Повесть С. Болдырева «Загадка ракеты Пила-2» — единственная в сборнике, дающая попытку настоящего научного прогноза. В ней рассказывается о полете моносферной ракеты на тысячекратную высоту. Но полет этот осуществлен героями в результате действия каких-то «коособых» и «спецнальных», неизвестно каких механизмов. Читатель узнает из области науки только тот общезвестный факт, что космические лучи в атмосфере обладают колоссальной энергией.

Художественная сторона произведений, включенных в сборник, очень низка. Так,

А. Студитский на многих страницах описывает мир гигантских животных. С натуралистической безвкусицей смакует автор, как шевелится усы крысы-гиганта, как разевается пасть огромной лагушки и мелькает ее язык, как просвечивает сквозь кожу и протоплазму красный кишечник червя.

Герои Студитского, советские ученые, участники многих экспедиций, боясь обитающих в волшебном ущелье слизняков и гадюк до потери сознания. У Березова «сверхобытный страх выключает сдерживающие центры», воспоминание о пережитом «вызывает у него припадок судорожного нервного смеха». На страницах повести то и дело описывается «тошнотное чувство отращения и страха».

Малко выглядит герои повести. Животный страх заставляет их усомниться в превосходстве человека над природой. «За всю свою жизнь Борис Барцев не испытывал ощущения такой подавленности масштабами окружающего».

Эта не новая в зарубежной литературе, но совершенно чуждая советским людям мысль о том, что человек — дельчинка перед лицом могущественной природы, кажется Студитскому очень знавательной, и он не раз возвращается к ней: «Птицы... бессильные перед стихийными силами», и т. д.

Не сумев создать образ советского человека будущего общества и В. Сапарин в своем рассказе «Исчезновение инженера Боброва». Его Зоя Виноградова, журналистка нашего застрявшего общества, невежественна, простодушна и попросту глуповата. Очевидно, автор нарочно нарисовал ее такой, чтобы дать возможность другим героям очерка изложить ей некоторые элементарные истины из популярных брошюр.

Корни неудач авторов сборника в том, что идут они не от живой жизни, не от нашей советской действительности, а от избитых западных литературных штампов, стремясь к «заимствованиям» во что бы то ни стало.

Ущелье гигантов выто А. Студитским из прокат из «Затерянного мира» Конан-Дойла и «Пещер богов» Уэллса.

Ю. Долгушин в повести «Тайна невидимки» идет по тому же ложному пути. Ю. Долгушин воспользовался совершенно неизвестной проблемой «объемного звука», известной более 20 лет, и сделал ее поводом для рассказа с целой серией ужасов, граничащих с мистикой, происходящих в старом польском замке под свист ветра и хлопанье ставен. Ужасов ужасы эти напоминают ситуации «Замка в Барчатах» Жюль Верна.

Фантазия должна базироваться на подлинной науке. Это не только не связывает ей крылья, но дает огромный простор для воистину неудержимого полета.

А. М. Горький писал: «Мы должны признать науку в помощь фантазии детей, должны научить детей думать о будущем». «...дети должны быть даны сказки, основанные на фактах и гипотезах современной научной мысли».

Этой ясной истины, очевидно, не понимая, оставил сборника «Дорога богатейшей». В Сапарин и редактор сборника И. Жигарев. Фантастика науки подмечена в сборнике фантастической походяшкой, толтым раздвекательством.

Получилось совсем как с оформлением книги. У нее ярая суперобложка с изображением самолетов, ракет и платины. Но приподнимите ее, и за ней откроется переплет, на котором таинственный незнакомец в черном цилиндре из пистолета в вытарачивают от страха глаза рыбину.

Сборник не воспитывает у юных читателей любви к науке, любви к упорному труду, к антидемократии. Это тем более недоумительно, что выпущен он Трудрезервиздатом и предназначен для подростков.

Выход этой книги — явление поучительное. Книга наглядно показывает порочность рабочего метода подражательства буржуазной фантастике.

Литературная общественность, трудящиеся Азербайджана отметили 50-летие со дня рождения выдающегося азербайджанского драматурга Джафара Джабарлы. Славное имя этого писателя, его книги живут в сердцах нашего народа, которому он служил своим ярким талантом.

Всю свою творческую жизнь Дж. Джабарлы боролся за создание жизнелюбившей революционной народной литературы. Он бесстрашно разоблачал пантуркистов и панисламистов, безудержно комсомитов всех мастей, стремившихся превратить сцену азербайджанского театра в трибуну арабских пророков, турецких султанов и иранских шахов. Он клемил буржуазных реакционных романтиков, открывая творчество писателей от жизни, от реальной почвы, заражаящую литературу творческим духом символизма и уподобления.

Дж. Джабарлы понимал, что передовой писатель нашего времени должен жить прогрессивными, революционными идеями своей эпохи, иметь передовое мировоззрение, правильно понимать исторические события. Философия марксизма-ленинизма помогла ему разобраться в огромной и сложной борьбе нового со старым, революционного с реакционным.

Славные революционные страницы нашей истории заново прозвучали в книгах драматурга. Подлинная народность, глубокая мысль, широкий охват событий, простота и доходчивость были характерными чертами его творчества. Он продолжал и развивал лучшие традиции своих предшественников — Ахундова, Ахмедова, Мамедкули-заде. Русская реалистическая драма — классическая и советская — оказала большое благотворное влияние на рост и развитие таланта Дж. Джабарлы.

Борьба за счастье народа, жизнелюбившие актуальные темы современности были всегда в центре внимания драматурга. Даже раскрывая о самых далеких исторических событиях, он относился к ним активно, творчески, как сын и писатель своего времени. Он воспевал тех героев прошлого, которые как бы являются предшественниками нашей борьбы.

Так, в своей драме «Нестая огня» он обратился к героическому эпизоду из далекого прошлого свободолюбивого азербайджанского народа. В образе героя пьесы Эльхана, который четверть века боролся против арабских халифов, драматург воплотил преданную любовь нашего народа к своей родине.

Широко известна знаменитая драма Дж. Джабарлы «В 1905 году». Когда мы смотрим ее в театре, мы как бы переживаем революционную историю Азербайджана и его столицы — Баку. Дж. Джабарлы любил народы Советского Союза, уважал их героическую историю. И пьеса «В 1905 году» явилась страстным выражением этой любви к братским народам.

Пьесы «Алишар», «Последние пьесы Дж. Джабарлы», скончавшегося в 1934 году, являются художественной летописью ожесточенной классовой борьбы в Азербайджане в период коллективизации. Зрители, смотревшие эти пьесы, вооружались на борьбу со скрыватями и явными врагами советской власти, прониклись непоколебимой верой в торжество новой жизни.

Реалистическая драматургия Азербайджана обязана своим расцветом классическим творениям Дж. Джабарлы. Его драмы научили нас гордиться своей историей. Они послужили в то же время развитию метода социалистического реализма в азербайджанской драматургии. Он был учителем всех нас — современных азербайджанских драматургов.

Лучшие произведения Дж. Джабарлы вошли в золотой фонд великой многонациональной советской литературы. По сей день они волнуют своей непреклонной свежестью, остротой и актуальностью, ибо они насыщены бессмертными идеями Ленина — Сталина, всепобеждающими идеями социализма.

В авторской ремарке новой пьесы В. Овечкина «Настя Колосова» точно указано: «Действие происходит в 1947 году в одной из центральных областей страны». С покоряющей достоверностью автор показал людей нашей колхозной деревни послевоенных лет, их жизнь, характеры, стремления; показав не на столбовом мелики, банальных интересов, а в основном живянием конфликте, где переплетаются человеческие судьбы с интересами государственности, где решаются вопросы социального бытия, где складывается жизнь коллектива и формируется человеческая личность.

Героиня, Настя Колосова, руководителем передового опытного звена, давно прославившая свой колхоз, свой район замечательными опытами по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим. В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

В стороне от работы колхоза внедрялись попытки по выращиванию богатых урожаев. Но рекорды Настя Колосовой оставались только ее рекордами. Никто, да и она сама, по-настоящему не заботилась о передаче передового опыта другим.

ей предлагают пост председателя колхоза, она, отказываясь, говорит: «В том-то и дело, что по должности спрашивают с нас, а по совести. Оставшая кем был, а работай иначе».

Так раскрывается перед нами образ Настя Колосовой — образ нового, передового человека колхозной деревни.

В пьесе раскрывается и замечательный характер другой русской женщины — колхозницы Федосьи Голубовой. Столкновение Федосьи с героиней пьесы носит глубоко принципиальный характер. Встречаются две точки зрения на организацию труда, на руководство в труде. Из этой темы рождается более широкая, более глубокая тема советского руководства. Вель в «самополюнии» Колосовой виновата, как мы отметили, не одна Настя; виновата и старое руководство района; виноват и беспринципный председатель колхоза Шарвов; виноват молчаливый предрик Силкин; виноват и новый секретарь райкома партии Тимошин, который, сосредоточив все внимание на отстающих колхозах, не разглядел вовремя, что таится за рекордами Колосовой.

Тема руководства у Овечкина непосредственно выливается в новую большую тему коммунистического воспитания народа, неразрывно связанную с темой большевистской критики и самокритики — могучим оружием в деле строительства коммунизма.

Мастерство В. Овечкина в том и заключается, что все поставленные проблемы не сводятся к механическому, часто непроизвольному и произвольному сочетанию фактов в рамках «заранее обдуманного намерения...» (М. Горький), а органически, почти незаметно вытекают одна из другой и решаются в поступках героев, в столкновении их характеров, то-есть в сложном действии.

У Федосьи Голубовой свой путь к коммунизму.

«Ты раньше...» — говорит Федосья, — поняла про колхоз, да. Ну что же, гордись этим. Я — позже. Но теперь я с этой дороги никуда не сверну. Знать, какой у меня был Фома, покойник? Вот уж сколько раз рвался с ним: «Вступим в колхоз». Как вышло оно в колхозе, как станет отвыкать быков, чтобы вести на общий двор, да как залпает над ними, как литье, — сердце разрывается. Не чужой ведь — муж. Думашь: «А будь он не ладен, ваш колхоз, как из-за него человек умирает!» Мы ж только перед коллективизацией тех быков нажили... Также и агрономы не сразу поворили я. Век хлеб съели, с делом, с правдой, а они говорят: не так сеять, вот так надо. А может, ты вредитель какой, что заставляешь яровые весной скоротать?... Ты на курсах была, Настя, да и не раз, ты моложе меня, грамотнее. Ну, ладно, я — дура, виновата перед тобой. А вот — девки. Молодежь... Показай, лужи их, — и сделают. Может, не так, как ты, а все же получишь других...»

Так конфликт, возникший на меже опытного поля, получает свое дальнейшее развитие в принципиальном столкновении Настя и Федосьи, Настя и колхозников.

Если внешней причиной конфликта является обособление, привилегированное положение Настя Колосовой, то более глубоким является то обстоятельство, что и Силкин, и Шарвов, да и сама Настя просматривали рост сознания Голубовой, идейный рост своих товарищей колхозников.

Так углубляется конфликт, свидетельствующий о серьезных творческих процессах, происходящих в колхозных массах. Когда звено Федосьи Голубовой писало письмо в райком партии о том, чтобы Настя Колосовой не давать звания Героя Труда, этими людьми руководила не мелкая зависть, не соперничество, а прежде всего желание помочь товарищу. Об этом так и говорит Федосья: «Мы не худа ей желали, а добра. Может, теперь почувствует, что нельзя и других зажимать... Как бы нам хотелось, чтобы она могла поприжмему, с чистой совестью, от каждого человека требовать: «Почему ты не работаешь так, как я?». Да мы бы первые на ее звездочку попоровались!»

В. Овечкин строит свою пьесу с подлинным драматургическим мастерством.

В его пьесе нет бенгальских огней выдуманной, ложной «театральности», в ней живое, трепетное дыхание жизни, прекрасное знание характеров героев, умение отбирать и обобщать то новое и важное, что происходит в нашей действительности. Значит ли это, что пьеса В. Овечкина лишена недостатков? Конечно, нет. Следует указать на известное ослабление драматического действия в финале пьесы.

Финальную картину так, как она написана, можно и должно играть. Но у автора есть полная возможность усилить действенность финала за счет «утраченных» судьбы Прокопа Шарвова. Мимо этого председателя теперь не прошли бы мирно ни Федосья, ни Настя. В его «смирненности» есть что-то фальшивое и пошлое. Прокоп — не только отсталый, но и невежественный, упрямый человек, который должен быть до конца разоблачен.

Не удался автору образ демобилизованного фронтовика Васюля Черных. Вместо полноценного человеческого характера получился довольно примитивный, схематичный образ.

В драматургии В. Овечкина, активной и волевой, много яркости, теплоты, мягкости, того сложного внутреннего действия, которое требует от актеров подлинной правды чувства. Задача театра — добыть этой большой правды.

Литературная газета

№ 5

3

3. ПАПЕРНЫ О СЮЖЕТЕ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

из ее действующих лиц как бы озарен «тройным светом» — с одной стороны, дневным, обыкновенным, с другой — необыкновенным, «сказочным».

Капка Бутырев, бригадир фронтовой бригады ремесленников, если смотреть на него «с другой стороны», — уже не Капка, а «дисквалифицированный Изюбар». «Мальчик, разводящий в Рыбачьем Затоне почтовых голубей, превратился в волшебника Подоблачных Гнезл... Лучший среди затонских пионеров собирать металлическую лому был в Синегорье Будильником Вулканов» и т. д.

Так за каждым героем повести, словно тень, тянется его сказочное «отражение». Писатель решил рассказать нам о жизни пионеров в военные годы, о ремесленно-ремесленных судорожном заводе, о молодых моряках-юнгах, прележавших в Затонке из осажденного Ленинграда. В повести есть много хороших, талантливых страниц — о бригадире Капке Бутыреве, на чьи плечи война возложила недетскую ответственность, о том, как в огне родилась дружба между «сухотунцами» и «морьяками».

Но реальная жизнь героев, очевидно, показалась автору недостаточно увлекательной и красочной. И вот он ридит ее в пестрые одежды придуманной экзотики, подрашивает все, что ему кажется слишком скучным и серым.

Капка Бутырев и его товарищи — пионеры. Но это, оказывается, слишком «обыкновенно». И автор рисует их какими-то сверхпионерами, которые «всех других пионеров превосходят». Их общественная жизнь состоит из довольно странных занятий. В годы войны они больше всего увлекаются беспрепятственным социальным, придумыванием историй, которые им прямо, но косвенно не связаны с их жизнью. Во всем этом — внутренняя противоречивость повести. Когда читаешь ее, кажется, что у тебя «вонит в глазах». Как ни старается автор слить в единое изображение портрет Капка Бутырева и выдуманного Изюбара, рассказ о фронтовой бригаде ремесленников и псевдополитическую легенду о Синегорье,

ничего не получается. Фальшивый сюжет «не приживается» к нашей действительности.

«Советский писатель», — говорит Горький, — не нуждается в мистуре дешесеньких прикрас». Эта «мистура» додо мешала Льву Кассилю ясно видеть и верно изображать жизнь. В своей последней книге, написанной совместно с М. Полянским, — повести «Улица младшего сына» (1949 г.), посвященной действительно существовавшему пионеру Володе Дубинину, писатель сумел во многом освободиться от псевдоромантического украшения и литературности. Герой повести Володя Дубинин — не «сверхпионер» и не «командос», а просто настоящий пионер. И не нужны ему ни золотые, ни лазоревые горы — ни на какую другую легендарную страну не променяет он родной мир советской жизни, в котором он вырос, в котором осуществлялись самые смелые его мечты.

И многие эпизоды этой книги воспринимаются нами, как ступени в развитии и формировании характера героя.

В отягчение от повести «Дорогие мои мальчишки», в новой повести И. Кассила мы видим необыкновенное в обыкновенном, в самой реальной жизни героев: в соревнованиях юных авиамоделистов, в жизни артековцев, в горячих беседах Володи с «поднефными» мальчишками, в повседневных героических делах подпольного партизанского отряда, судьбу которого до столично делит Володя Дубинин, — в самом воздухе советской жизни, которым дышит герой с первых своих дней.

IV. Бонстантин Паустовский, Бенжамин Каверин, Лев Кассиль — разные, не схожие друг с другом писатели. У каждого из них свой путь, своя индивидуальная творческая манера. Мы остановились на некоторых их произведениях не для того, чтобы «обезличить» этих писателей в каком-то направлении, а лишь для того, чтобы проглядеть на конкретных примерах вопрос о сюжете, его содержательности, связи с темой, с характером героя.

Там, где сюжет естественно вырастает из жизненного материала, из тем, где в

сюжете раскрывается история «роста и организации того или иного характера», где внутренняя логика сюжета подчинена раскрытию главной идеи произведения, — коротко говоря, там, где сюжет предстает, как неразрывное единство форм и содержания и, художник одерживает победу. И, наоборот, стоит только сюжету оторваться от жизненной почвы, от главной темы и характера, превратиться в средство голый «заимствования», как произведение «увядает», и тогда уже никакая сюжетная динамика и притехника не вернут ему живого дыхания.

Но бывает и так, что писатель впадает в другой грех, когда сюжет без остатка растворяется и исчезает в материале книги. Когда писатель спокойно и добросовестно описывает жизнь героев, день за днем, час за часом, не выявляя никаких столкновений. Но жизнь есть борьба, и поэтому так часто нежизненным выглядит произведение без действия, без борьбы нового и старого.

Раскрывая сюжет, как единство формы и содержания, эстетика социалистического реализма непримиримо враждебно всевозможным формалистическим толкованиям сюжета.

Мы знаем, что формалисты, деятели Опоза и «Серраинонов братьев» пытались в свое время изучать «особые законы сюжетосложения», которые, по их уверению, были «неповоротливыми» содержанием. Хотя «теоретически» формализма и претендовали на оригинальность, однако, в сущности, они выступали, как эпигоны, продолжавшие худшие традиции буржуазно-либеральной литературологии и, в частности, Весселовского.

Ведь именно Весселовский рассматривал развитие, «новоборозвание» сюжетов, как «переживание старого, но в новых сочетаниях». Именно он сводил это развитие к повторяемости и вариациям «мотивов». Именно он отрывал сюжет от идейного жизненного содержания, исследуя пути и «маршруты» блуждающих по миру мотивов и сюжетов, не выходя за пределы «чисто литературного» ряда явлений.

Иногда «опозовцы» заявляли: «Новая форма является не для того, чтобы выразить новое содержание, а для того, чтобы заменить старую форму», — они лишь исполнили на иной лад старую песенку.

И Весселовский, и формалисты-опозовцы были метафизиками: отрывая сюжет от

содержания, они выхолащивали, опустошали его, сводили к мертвым алгебраическим формулам и поэтому, как всякие метафизики, не видели как в единстве и изменений в развитии литературы.

Иные думают, что со смерью Опоза формализм упр, терстал быть нашим идейным противником. Но это неверно. И в литературологии, и в живом развитии советской литературы мы все еще встречаемся с враждебными нам эстетическими концепциями, с формализмом.

В «Докладах и сообщениях филологического факультета» МГУ за 1948 г. (вып. 7) опубликована статья проф. Г. Поспелова «О сюжете и ситуации». Верный формалистический догм, Г. Поспелов заявляет, что «сюжет — не содержание поэтического произведения, сюжет есть его форма». А раз так, то о сюжете и нельзя судить с точки зрения. Г. Поспелов так и говорит: «...нельзя судить об истинности и правдивости произведения путем сопоставления подробностей его сюжета с подробностями изображаемой жизни. Критерии реализма вообще применимы не к сюжету (!), они применимы только к ситуации и произведению, к ее противоречиям, к разрешению этих противоречий, осуществляемому через сюжет».

Итак, критерий реализма к сюжету не применим! А критерий формализма? Даже необходим! «...личное сюжета с сюжетом другого произведения, в той или иной мере совпадающих с ним, — все это вполне возможно и часто необходимо», — заявляет Г. Поспелов.

Никакие оговорки, никакие зажимания автора о необходимости «сработать над формой ради содержания» не могут скрыть тот факт, что автор пытается объявить сюжет независимым от содержания, отграничить его кругом чисто формальных признаков.

Формализм до сих пор остается опасным идейным противником — и в критике, и в эстетике, и в литературе. Формализм — родной брат фашизма, увлеченный читатель от живой жизни, от сегодняшнего дня в узкий тисущный мир выдуманной страсти, ложных ситуаций, неправдоподобных приключений, невероятных интриг. Все это далеко от эстетики социалистического реализма.

В лучших произведениях нашей литературы всегда торжествует великая правда прекрасной советской действительности.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ А. НОВИКОВА-ПРИБОЯ

Новые неопубликованные рассказы А. Новикова-Прибоя обнаружены вдовой писателя при разборе его основного литературного архива.

Некоторые из них относятся к тому времени, когда А. Новиков-Прибой был еще матросом. Это, например, рассказ «Среди трюпов», в котором описывается героическое сражение русской пехоты с японцами при защите Порт-Артура. К этому же периоду относится и рассказ «Беседа с чортом», книжки «За чужие грехи», «Безумцы и бесподобные жертвы», выпущенные в 1907 году в Санкт-Петербурге нелегально под псевдонимом А. Затертыя.

Преследуемый царским правительством, А. Новиков-Прибой эмигрировал в Лондон. Там им был написан большой рассказ

«Бунт на корабле», рукопись которого сейчас также обнаружена.

Обнаружены также и другие литературные произведения: «Материнская любовь», юмористический рассказ «Морская анекдот» и самый ранний — «Живой мертвец», написанный, когда автору было 13 лет.

Легенда о некоторых „друзьях“ в Хельсинки

С. МАКСИМОВ

На 16 и 17 января в Финляндия назначены выборы трехсот выборщиков президента республики. 15 февраля эти выборщики изберут нового главу государства на следующие шесть лет. В избирательной кампании, как в фокусе, отражается та острая политическая борьба, которая в течение последних полутора лет идет между реакционным лагерем и силами мира и демократии в Финляндии.

Существующая антидемократическая система двухстепенных выборов значительно облегчает финской реакции возможность протаскивания своего кандидата на пост президента. «Подходящее» на этот пост лицо намечается в ходе тайных переговоров между «боссами» реакционных партий, притом с явным равенством в «Запад». Когда финские ревизионисты в 1940 г. остановили выбор на Рюти, то предвзято было запрошено Берлин. Точно так же и сейчас, намечая кандидатуру президента, правящие круги делают это с явной огадкой на своих заокеанских «покровителей».

Реакционный лагерь, правящий теперь в Финляндии, хочет иметь во дворце «Президентинлана» такого кандидата, который еще более усилит политику полицейского произвола и поощрения военного реванизма, похода на жизненный уровень трудящихся и подавления их демократических прав, — кандидата, который продолжит опасную и вредную для страны внешнюю политику и, следовательно, будет пользоваться доверием Уолл-стрит и Сити.

Этой линии придерживаются те самые реакционные круги, которые всецело мешают точному выполнению мирного договора между СССР и Финляндией, настаивают на пресловутой «нордической ориентации», что означает на деле присоединение Финляндии к агрессивному Атлантическому пакту, вопреки желанию финского народа жить в мире и дружбе с великим соседом на Востоке.

Речь идет о верхушке финской социал-демократии во главе с премьер-министром Фагерхольмом и Таннером; речь идет о национал-коалиционерах — партии «двадцати семейств» и президента Паасикиви, не раз спасавшей своими голосами правительство Фагерхольма в сейме; речь идет об архиреакционной верхушке шведской народной партии.

Кандидатом всех этих партий и является президент Паасикиви, которого финская официальная пропаганда, рассчитанная на обман масс, всецело пытается окружить ореолом «сторонника мира» и дружбы с Советским Союзом.

Депутат Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ) Херта Куусинен по этому поводу пишет: «Паасикиви никогда не являлся сторонником улучшения советско-финских отношений, а, наоборот, в течение долгого времени всецело одействовал их ухудшению».

Связанный «теплыми узлами дружбы» с немецким палачом финского народа фон дер Гольцем, Паасикиви в 1918 г. стал премьером под охраной германских штыков. Последующая переориентация на силы Антанты, как рассказал сам фон дер Гольц, была проведена с полным согласием немцев. Позднее, в 1939 году, Паасикиви вместе с Таннером противодействовал мирному урегулированию советско-финских отношений. Он поддерживал военную политику немецко-фашистского агента Рюти и, как давний сторонник Германии, одобрял участие Финляндии в войне на стороне Гитлера.

После войны Паасикиви направлял политику Финляндии по «американскому курсу», высказываясь за участие Финляндии в «плане Маршалла» и за «нордическую ориентацию», маскирующую спор Финляндии с американским империализмом; Паасикиви отрицательно относился к идее заключения договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. Нынешний глава государства амнистировал

военных преступников, в том числе Таннера, который сейчас значится на одном из первых мест в списке выборщиков президента. Эта амнистия является, по существу, таким же нарушением договорных обязательств Финляндии, как и сознательное укрывание военных преступников из числа советских граждан, подлежащих выдаче СССР на основании статьи девятой Мирного договора.

Именно по указанию нынешнего президента канцлер юстиции Тарьяние произвел свое знаменитое «расследование» о нарушении восьмой статьи Мирного договора, змрачающей существование организаций, деятельность которых создает угрозу демократическим правам народа или прямо направлена против них. Сей «блестящий законотворец» дошел до того, что оправдывал фашистский террор на том основании, что он якобы «носит частный характер», и заявил, что запрещение военным преступникам заниматься политической деятельностью «было бы их политической дискриминацией».

Неудивительно, что в такой обстановке военный преступник Таннер позволяет себе идти еще дальше. В своей книге «Мир в Тарту» он осмеливается выразить сомнение «в необходимости выполнять мирные договоры».

После окончания второй мировой войны финские реакционные политические деятели, толпившиеся ранее в передних гитлеровской имперской канцелярии, все на охоту перешли под американскую опеку при попустительстве главы государства и с его молчаливого согласия.

Финская реакционная клика продает суверенитет Финляндии, получая взамен жалкие подати. Средства для «помощи» Финляндии черпаются из «особого фонда» президента Трумэна наряду с «помощью» южно-корейскому марионеточному правительству и ассигнованиями для строительства военных баз на острове Окинава. Соседство, что и говорить, весьма многозначительное и красочное!

Американские монополии милостью разрешают генеральному директору Финляндского национального банка Туомия прибыть в США. Туомия увозит оттуда суровый приказ девальвировать финскую валюту. Приказ магнатов Уолл-стрит выполняется не только полностью и в срок, но и с избытком: Финляндия дважды снижает курс марки по отношению к доллару. Американские монополии довольны. Доволен и орган «двадцати семейств» и партии Паасикиви — «Уеус Суоми». «Амерджанцы с удовольствием констатируют тот знаменательный факт, — захлебывается от восторга «Уеус Суоми», — что Финляндия опередила все другие европейские страны... познания больше, чем все остальные державы, стоимость марки».

Американский империализм считает финских ревизионистов такой же «ударной колонией» против СССР, как и участники Атлантического пакта — Норвегия и Дания. Недаром заветный поджигатель войны, американский генерал Омар Бредли, рассуждая на содействии правых кругов Финляндии, по сообщению парижского еженедельника «Франс Бюдомар», рассуждая о возможности «двинуть армию северных стран через Финляндию к Мурманску».

Паасикиви и Фагерхольм допускают, министр юстиции Суонтуаста разрешает, а канцлер юстиции Тарьяние даже оправдывает открытую антисоветскую агитацию в Финляндии. Когда призывы к войне против СССР и стран народной демократии носят слишком уж откровенный характер, финская реакционная печать прибегает к различного рода обходным манерам, но все же не отказывается целиком от их публикации. Так было, к

примеру, с пашумевшей речью шведского генерала-лейоюда Юнга.

Но решившись опубликовать текст речи этого оголтелого поджигателя войны, финская реакционная печать обильно и сочувственно ее комментировала и даже восхищалась ею. Обзоратель газеты «Лахти» назвал эту речь «знаменательной» и призвал финнов «поразмыслить над ней». «Нам нужны», писала «Лахти», — настоящие люди во главе руководства (очевидно, вроде генерала Юнга. — С. М.), а не такие, кто время от времени заискивает перед массами, перед которыми они еще испытывают трепет». Не является ли этот откровенно фашистский призыв к приходу «сильной личности» попыткой повлиять на состав будущего правительства, подлежащего формированию после избрания президента?

Несмотря на все это, финская пропаганда, действуя в маскировочных целях, пытается наряду с Паасикиви представить и Фагерхольма как сторонника политики дружбы с Советским Союзом.

Но и эта версия шита белыми нитками. Разве не Фагерхольм «вдохновил» в январе 1943 г. своего коллегу по правительству Виттинга (закончившего в свое время военный договор с Германией) на интервью шведской газете «Сосиал-демократен», в котором незадачливый финский дипломат выражал согласие «сохранить мирные отношения с США, если Финляндия получит границы 1939 г.» Иначе говоря, устами Виттинга Фагерхольм еще в 1943 году предлагал Союзникам Штатам «услуги» финской реакции.

Этого курса Фагерхольм, по сути дела, придерживается и сейчас. Правительство Фагерхольма намерено саботировать выполнение мирного договора и договора с СССР о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Созданный при Фагерхольме охранная полиция занимается не розыском, а укрывательством военных преступников. Многие из них после разгрома гитлеровской Германии перешли на службу в разведку некоторых иностранных государств. И это еще одна причина, почему финские власти всецело заигивают выдату военных преступников, боясь раскрыть их связи и тем самым разоблачить финскую реакцию.

Демократические силы Финляндии борются против всей антинародной «политики» реакции, разоблачают ее маневры в связи с выборами президента республики и, в частности, легенду о том, что Паасикиви и Фагерхольм являются искренними сторонниками дружественных отношений с СССР.

Прогрессивный лагерь, выставив своим кандидатом в президенты бывшего премьера Маую Пеккала, требует коренного изменения нынешней финской внутренней и внешней политики. ДСНФ выдвигает на выборы требования, понятные и близкие каждому трудящемуся: ограничение власти «двадцати семейств», национализация крупной промышленности, банков и внешней торговли, проведение земельной реформы, осуществление плановой экономики при демократизации всей общественной и политической жизни Финляндии. Требования о снижении налогового бремени, обеспечении полной занятости населения и повышении реальной заработной платы также соответствуют наущным пущам финского народа.

В области внешней политики демократический лагерь настаивает на возврате к политике подлинно дружественных отношений с Советским Союзом, честного выполнения мирного договора и обуздания опасной активности поджигателей войны и их финской агентуры. Такой курс отвечает современным чаяниям народных масс страны, так как он предотвратит интриги поджигателей войны в Финляндии и станет гарантией мира.

Народные массы не хотят «линии Паасикиви» с опекуном иностранных империалистов над внутренней и внешней политикой Финляндии!

В этой покосившейся хибарке из палок и кусков фанеры, обитых рваными одеждками, ютится на окраине Турина (Италия) семья безработного шорника Феличе Ферреро, состоящая из четырех человек.

Корреспондент «Унита» посетил семью Ферреро и описал на страницах газеты ее жалкую жизнь и страшный быт. «Мы ложимся спать в стывающей верхней одежде», — рассказывает жена Ферреро, — я прижимаю ребенка к себе и стараюсь согреть его своим дыханием... Слезы мешают ей продолжать беседу. «Как только наступит темнота», — рассказывает ее брат Лоренцо, — мы забораемся в свой шалаш и трепещем при мысли о том, что может пойти дождь. Вы сами видите, на что похожа наша «крыша» — сплошные дыры... Когда идет дождь, вода заливает одеяла и солому, на которой мы спим». «Летом это было еще не так страшно», — говорит глава семьи, — но теперь, когда робенок по ночам просыпается от холода, у меня сердце кровью обливаясь».

Газета «Унита», поместившая этот снимок, подчеркивает, что страшные условия, в которых живет семья Ферреро, являются уделом десятков тысяч трудящихся не только в Турине, но и во всей Италии.

Таковы на деле плоды американской «помощи» маршаллизированной Европе, о которой с таким елейным и ханжеским лицемерием говорил Трумэн в своем недавнем послании конгрессу.

Снимок взят из итальянской газеты «Унита» от 14/XII 1949 года.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Фашистский легион под покровительством Трумэна

В последнем послании конгрессу президент Трумэн до небес превозносит «демократические блага» американского образа жизни. Однако нынешняя американская действительность находится в неприятии, которое противоречит с елейным демократическими заверениями Трумэна. Не «демократические свободы», а откровенный, день ото дня усиливающийся фашистский разгул царит сегодня в Союзниках Штатах.

Реакция затевает сейчас новый поход против прогрессивных сил, оказывающих сопротивление проектам подготовки новой империалистической войны.

Как сообщила недавно газета «Чикаго трибюн», главная роль в организации «крестового похода» против демократии возложена на штурмовой отряд Уолл-стрит — фашистский Американский легион. Этим личностям поручено созвать специальную «национальную конференцию» с участием других фашистских организаций, на которой пестрая свора густопсовых реакционеров и всевозможного уголовного сброда «обсудит» пути и средства разгрома демократического движения.

Крупнейшие промышленные компании США — «Дженерал фудс корпорейшн», «Джонс Мэввэлл корпорейшн», «Юнайтед Стейтс раббер компани» и многие другие — принимают непосредственное участие в руководстве и щедром финансировании этого чудовищного заговора.

Американский легион создан по примеру ФБР обширную картотеку, куда вносятся «нежелательные элементы» — граждане, подозреваемые в демократических убеждениях. Каждая местная организация легиона, так же как и каждая его организация в штатах, имеет свой активно действующий «комитет американизма», предназначенный для искоренения «подрыхных» сил. Под «подрыхной» деятельностью понимается прежде всего борьба трудящихся за свои права.

Для подавления забастовок Американский легион посылает на предприятия отряды погромщиков, состоящие из полковников общества. Прогрессивная печать справедливо оценивает эти фашистские банды «как огромную дикую орду, проламывающую дюбунами черепа американских рабочих».

Совместно с другой фашистской организацией «Фонд свободы» легион установил особые ежегодные премии за речи, статьи, брошюры и т. п., направленные против коммунистов, содействующие разжиганию расовой розни и внедрению «американизма».

Вся эта дикая антикоммунистическая и антидемократическая свистопляска находит одобрение и даже поддержку американского правительства. Не есть ли это те самые «блага» американской «свободы», о которых восторженно повествует в послании конгрессу г. Трумэн?

Недавно на двух собраниях членов Американского легиона — в Сен-Луи и Индианаполисе, где находится штаб-квартира этой фашистской организации, — выступил с речами министр обороны США Джонсон. Он приветствовал банду оголтелых громят от имени «самого выдающегося члена Американского легиона» — президента Союзных Штатов. Обрушившись потоком грязных клеветнических обвинений на коммунистов, министр призвал усилить гонку вооружений и потребовал, чтобы «все руководители страны во всех областях жизни пошли плечом к плечу с воодушевленным руководством Американского легиона и в едином порыве обеспечили надежную национальную оборону».

Что и говорить, — трогательное единение! Фашистские головорезы из Американского легиона, привильно чувствующие себя под высоким покровительством гг. Трумэна и Джонсона, — вот подлинное лицо заокеанской «демократии».

Шестилетка под'ема польской культуры

ВАРШАВА. В новом году польский народ усуню, на два десятилетия раньше срока закончивший свой первый трехлетний план, приступил к осуществлению шестилетнего плана социалистического преобразования страны. План великой индустриализации Польши является также планом нового подъема культуры.

Ежедневно в течение шестилетия задачи культурного строительства будут затрачиваться в среднем около 160 миллионов злотых! Почти половина этих «ежедневных затрат» — более 73,9 миллиона злотых — пойдет на расширение сети школ всех ступеней и организацию новых научно-исследовательских институтов.

Уже в первые годы шестилетнего плана в стране будет полностью ликвидирована неграмотность, а к концу шестилетки — осуществлено обязательное семилетнее образование. Широкое развитие получит профессиональное образование, из школ которого будет ежегодно выпускаться в среднем по 230 тысяч человек. Высшие учебные заведения будут ежегодно выпускать в среднем по пять тысяч инженеров и техников, тысячу шестистот врачей, тысячу сто агрономов. В 1955 году вузы страны выпустят 18.400 новых специалистов вместо 10.560 в 1949 году.

50 миллиардов злотых израсходует государство на строительство культурных учреждений. Расширится сеть библиотек, вырастут их книжные фонды. В школьных библиотеках количество книг увеличится с 4,5 до 10 миллионов томов, а в публичных библиотеках — удвоится. К концу 1955 года Польша будет располагать 600 радиозвуков, 25 тысяч радиотехнических аппаратов, против пяти тысяч имеющихся теперь, и 3,5 миллиона радиоблоков. Количество кинолент вырастет с 553 до 1000, а количество кинопроекторов — с 250 до 3000. План предусматривает строительство новых концертных залов, детских театров, филармоний, музеев... Будет создано две тысячи новых клубов, 52 новых дома культуры.

Новая венгерская деревня

ВЛАДЕЦЕПОТ. В длинные зимние вечера далеко вокруг видны ярко освещенные окна Дома культуры в деревне Надьякамарап. Убеленные седыми стариками и пожелтевшие крестьяне, юности и девушки собираются сюда, чтобы отдохнуть, почитать свежие газеты и журналы. Здесь можно послушать интересную беседу о событиях, происходящих в мире, о строительстве новой Венгрии, вставшей на путь социалистического развития.

Не так еще давно в Надьякамарапе жили батраки и поденщики эригертога Йожефа. Тогда сумерки спускались над деревней, в жалких хибарках не горели даже коптящие — батраки не имели средств, чтобы купить свечи или керосин.

По вот над Венгрией заждались зарю новой жизни. Народно-демократическая власть оказала помощь крестьянам. В Надьякамарапе выросло 180 новых домов. Теперь здесь помимо Дома культуры имеется также своя амбулатория, спортивная площадка.

Но самым радостным событием, завершившим 1949 год, было появление электричества в крестьянских домах.

Надьякамарап — 500-е село, которое электрифицировано по трехлетнему плану. По пятилетнему плану, к осуществлению которого народ демократической Венгрии приступил 1 января 1950 года, будет электрифицировано 1.500 сел. В Венгрии не останется ни одного села без электрического освещения. Кроме того, в каждом селе будут радио, телефон и киноустановка.

ствоящем собой одно из самых прогрессивных для того времени явлений румынской литературы, Эминеску разоблачает лицемерие угнетателей народа. Он говорит о боге как о высшем орудии эксплуатации, он называет бога «устой тенью, прикрывающей притеснение». Идею бога поэт объявляет чуждой идее добра, идее родины.

Герой поэмы — Демон. Часто красное знамя воздымал, на камне стоя, Гнев глубокий возмущенья бороздил чело героя.

Он казался темной ночью, темной ночью грозовою... И слова его гремели над разъяренною толпою: — В свете Нет законов для всеобщих. Только вы один в ответе. Им легко жить по законам, сами что они писали, произвольно сочиняли, произвольно толковали.

С огромной силой художественной выразительности рисует поэт простых труженников. В стихотворении «Жизнь» перед нами встает образ вышнвалышних, девушки, сияющей ночью возле тусклой лампы.

Пальцы, распухшие от уюлов, Так бледны, что в них, пожалуй, Не найдется и двух капелек крови Трудится она за корку хлеба Шелый день — с зари и до зари.

Поэт, показывая безысходность положения труженников, вызывает не только чувство сострадания к ней. Он вызывает одновременно чувство жгучей ненависти к тем, кто строит свое благополучие на ее несчастье.

Кувец в витрине выставляет ткани, Прекрасный результат ее работы, Достигнутый великим напряженьем Ее святых и драгоценных рук. Брильянты укупна на толстых пальцах — Цена горючих слез, бессонных долгих Той белой девушки...

В поэме «Император и пролетарий» Эминеску выражает свою любовь к эксплуатируемым, к пролетариату и жгучую ненависть к угнетателям. В произведении «Ангел и демон», пред-

ставляющем собой одно из самых прогрессивных для того времени явлений румынской литературы, Эминеску разоблачает лицемерие угнетателей народа. Он говорит о боге как о высшем орудии эксплуатации, он называет бога «устой тенью, прикрывающей притеснение». Идею бога поэт объявляет чуждой идее добра, идее родины.

Герой поэмы — Демон. Часто красное знамя воздымал, на камне стоя, Гнев глубокий возмущенья бороздил чело героя.

Он казался темной ночью, темной ночью грозовою... И слова его гремели над разъяренною толпою: — В свете Нет законов для всеобщих. Только вы один в ответе. Им легко жить по законам, сами что они писали, произвольно сочиняли, произвольно толковали.

С огромной силой художественной выразительности рисует поэт простых труженников. В стихотворении «Жизнь» перед нами встает образ вышнвалышних, девушки, сияющей ночью возле тусклой лампы.

Пальцы, распухшие от уюлов, Так бледны, что в них, пожалуй, Не найдется и двух капелек крови Трудится она за корку хлеба Шелый день — с зари и до зари.

Поэт, показывая безысходность положения труженников, вызывает не только чувство сострадания к ней. Он вызывает одновременно чувство жгучей ненависти к тем, кто строит свое благополучие на ее несчастье.

Кувец в витрине выставляет ткани, Прекрасный результат ее работы, Достигнутый великим напряженьем Ее святых и драгоценных рук. Брильянты укупна на толстых пальцах — Цена горючих слез, бессонных долгих Той белой девушки...

В поэме «Император и пролетарий» Эминеску выражает свою любовь к эксплуатируемым, к пролетариату и жгучую ненависть к угнетателям. В произведении «Ангел и демон», пред-

восьмой поэт, старательно обходя молчанием тот факт, что истоки этой грусти были заложены в неприглядной румынской действительности, в безграмотности жизни.

Только прогрессивные деятели литературы могли восстановить истину. Критик Доробжану-Теря одним из первых опроверг эти домыслы. Доробжану-Теря писал: «Причиной разочарованности наших поэтов, ее источником являются аномалии буржуазного общества. Причиной болезни нашего века является патологическое состояние буржуазной цивилизации».

Многие произведения Михаила Эминеску с беспощадной силой обнажили безграмотность и ужесточение жизни людей в эксплуататорском обществе. Мотивы протеста и борьбы против несправедливости и гнета были мотивами, близкими широким слоям народа. Этим и объясняется прежде всего широкая популярность в Румынии поэзии Эминеску.

Таким образом, критика современного ему общества была подсказана поэту скорбной картиной угнетения его народа, осуществившегося отечественными хищниками при помощи династии Гогенцоллернов. «Общество рабочих Румынии», возникшее в те годы, начинало критиковать устои румынской действительности. Вот где надо искать факторы, определявшие развитие критического начала в творчестве Эминеску.

Его путь не был ровным и всегда по-следовательным. В его поэзии можно найти отступления от основной идейной линии, противоречия и прямые срывы в сторону оптимистических иллюзий.

Но не кратковременные отступления и не отдельные срывы характеризуют поэзию М. Эминеску в целом. Ее характеризует мужественная позиция человека, стоящего на стороне народа, борющегося против работодателей и тунеядцев. Это позиция любви к простому люду и веры в его светлое будущее. И никаким искажениям не уступает затемнить это главное в литературном наследии великого поэта Румынии!

В поэме «Император и пролетарий» Эминеску выражает свою любовь к эксплуатируемым, к пролетариату и жгучую ненависть к угнетателям. В произведении «Ангел и демон», пред-

ставляющем собой одно из самых прогрессивных для того времени явлений румынской литературы, Эминеску разоблачает лицемерие угнетателей народа. Он говорит о боге как о высшем орудии эксплуатации, он называет бога «устой тенью, прикрывающей притеснение». Идею бога поэт объявляет чуждой идее добра, идее родины.

Александр ЖАРОВ

Великий поэт Румынии

15 января 1950 года румынский народ отмечает столетие со дня рождения одного из крупнейших поэтов Румынии — Михаила Эминеску.

Буржуазная критика старой Румынии, превозносящая перед загнывающей западной культурой, пыталась зачислить Эминеску в эстетствующие романтики, изобразить его эгоном идеалистической философии Канта и Шопенгауэра, «продуктом» германской культуры, утверждая как «поэта вне времени и пространства» и приспособить его творчество к интересам буржуазно-помещичьего строя.

Обличительный смысл творчества поэта тщательно скрывался космополитическими буржуазными литературоведами Румынии. И хотя тислоты господствовавших при жизни поэта эксплуататорских классов сильно сказались на его творчестве, Эминеску был искренним патриотом своей родины, горячо любившим народ. В значительной части своих произведений он отразил страдания народа, ненависть трудящихся к эксплуататорам, звал к уничтожению несправедливого, жестокого порядка. Поэтому творчество Эминеску является достоянием трудового народа. В Румынской народной республике М. Эминеску посмертно избран членом Академии наук.

Михаил Эминеску прожил тяжелую и сложную жизнь. С первыми стихотворениями он выступил на страницах петического журнала «Семья». Это было в 1866 году. А через год семидесятилетний поэт, выходя из семьи владыка имени Ипотенъ уезда Бошань Георг Еминовича, покинул дом, начал самостоятельный жизненный путь.

Он отправился пешком странствовать по родной земле, по городам и селам для того, чтобы изучать жизнь народа, его труд. Поэту пришлось на себе испытать невзгоды и нужды — горькую долю простых людей страны, стонавших под пятой бояр и чиновников. Он работал грузчиком в

городе Джурджу, конюхом на постоялом дворе, суфлером в бродячей труппе, гастролирующей по Трансильвании, потом поступил на ту же должность в бухарестский Национальный театр.

Через некоторое время Эминеску возвращается домой, но вскоре опять уезжает — он отправляется в Вону, а потом в Берлин для окончания образования. В 1869—1874 годах, слушая лекции на университетских курсах, он одновременно знакомится с жизнью и борьбой пролетариата Австрии и Германии.

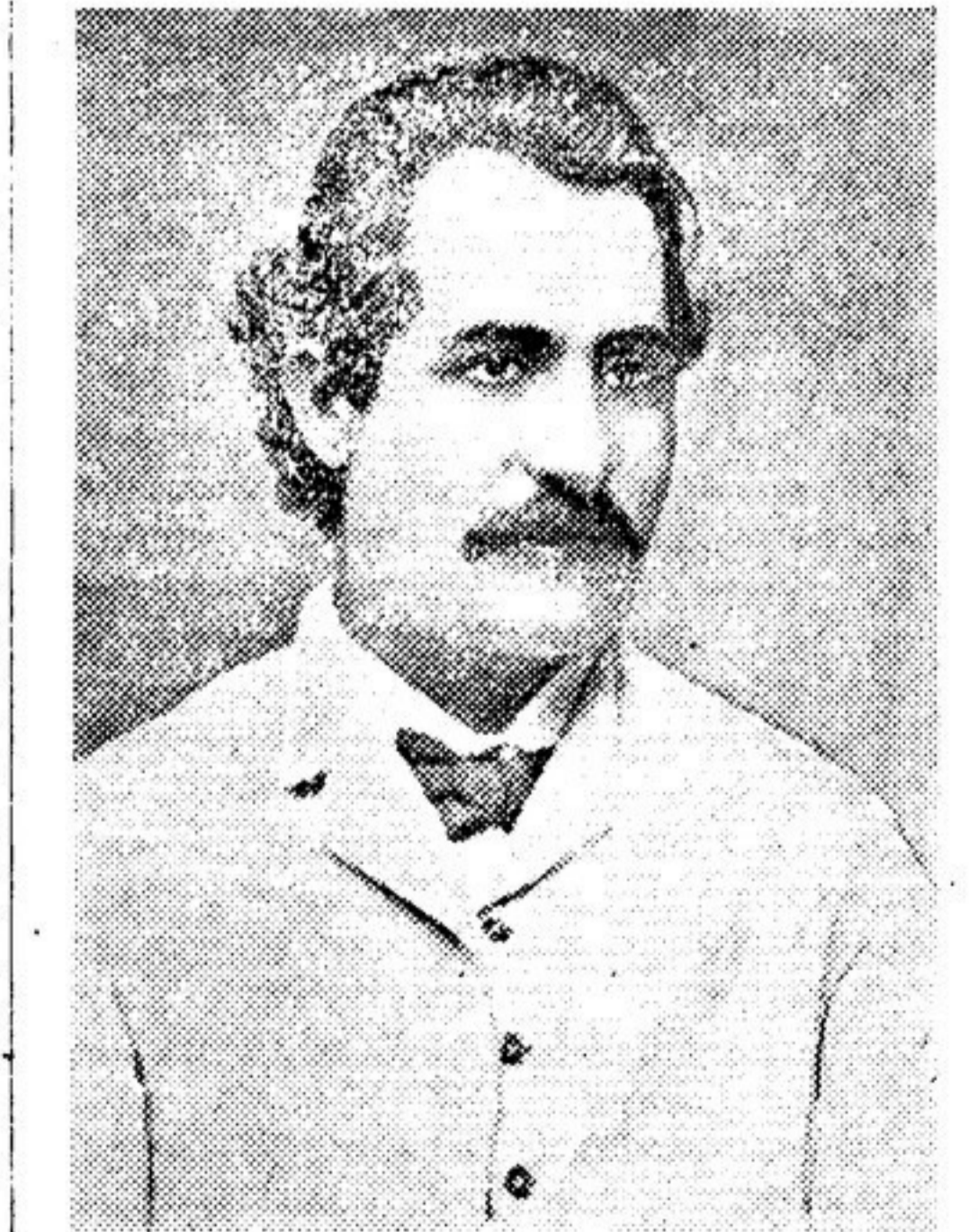
Приехав на родину, Эминеску продолжает учиться в жизни, вновь подвергаясь всевозможным испытаниям. Он терпит материальные лишения и моральное унижение, проходя школу непосильного труда: за нищенскую плату поэт вынужден работать в консервативной газете «Тимпулэ» («Время»). С негодованием писал Эминеску своему другу Веронике Микае об отращивании, которое он испытывает к консервативным, о разочаровании, причиняемом ему консервативным кружком «Жуныма» («Молодежь»), о горькой ненависти к власти имущим.

В этот период Михаила Эминеску пишет наряду с другими произведениями знаменитые «Послания», полные гневного возмущения буржуазно-помещичьим строем. В этом строе он видит не только врага свободы народной, но и врага вообще искусства. Поэт приходит к выводу, что положение писателя, зависящего от помещиков и буржуазии, не лучше положения фабричных рабочих.

Неизменной спутницей творчества поэта в течение которых Михаил Эминеску создает самые значительные произведения, была крайняя нищета. Это не прошло бесследно: поэт тяжело заболел. Он нуждался в серьезном лечении. Но средств не было, а ждать помощи от официальных кругов буржоекой Румынии было бессмысленно. Тем не менее помощь пришла, пришла из

среды народа: малосостоятельные читатели по подлинным листам собирали средства для лечения больного Эминеску.

Незадолго до смерти, в 1884 году, М. Эминеску находился на излечении в Одессе. Здесь, по призыву поэта, он пережила радостные дни знакомства с творчеством А. С. Пушкина. Прочитав с помощью

цью словаря некоторые произведения великого русского поэта, Эминеску писал друзьям в Ясы: «...Я нашел себе товарища, великого товарища; несмотря на то, что он говорит со мной на языке, которого я не могу еще полностью оценить, я все же угадываю всю красоту его поэтического творчества... Не знаешь, что больше следует ценить в непосредственной и полной свежести и вдохновения лирике Пушкина... Меня захватывают его стихи, источник живой воды и благородных мечтаний...»

Михаил Эминеску умер в 1889 году. После смерти поэта реакция стараниями своей литературной критики пыталась всемерно искажить подлинную суть поэзии М. Эминеску. Буржуазные критики не хотели видеть в его творчестве ничего кро-